

Вернувшись домой, Чжоу-гэр первым же делом поспешил поделиться новостями с тётушкой Лю и дядей Лю.

Деревенские жители всю жизнь проводили, согнув спину над землей. Кроме умения пахать да недюжинной силы, у них не было никаких особых талантов, и завести знакомства в городе, а уж тем более с таким крупным заведением, как «Башня Пьяной Ночи», им было практически невозможно.

Оба старика несказанно обрадовались. Ведь это была надежная возможность для заработка на долгое время. Когда торгуешь овощами вразнос, всё зависит от воли небес и слепого везения. В плохие дни урожай частенько гнил прямо на корню, и месяцы каторжного труда шли прахом — оставалось лишь горевать от бессилия.

Старшая тётушка Лю, немного остыв от радости, рассудила здраво:

— Похоже, мы теперь в большом долгу перед пареньком Фаном.

— И то верно, — дядя Лю, человек бесхитростный и помнящий добро, добавил: — У нас же на заднем дворе есть курица-несушка. Может, отнесем её Чжао-гэру?

Женщина лишь покачала головой:

— Не стоит. Чжао-гэр — парень гордый, не возьмет он её. Мы просто должны помнить об этом добре. Они с Фан Цзычэнем в деревне одни-одинешеньки, так что в будущем будем им во всем подсоблять. Соседи ведь, должны держаться друг друга.

Она повернулась к Чжоу-гэру и мужу, строго наказывая:

— Отныне, когда будете собирать овощи для «Башни Пьяной Ночи», выбирайте только самое лучшее. Пожухлое или червивое — всё в сторону. Наш помощник наладил сбыт, и мы должны показать свою искренность. Нельзя заставлять его краснеть за нас.

Все понимали: если привезти в трактир плохой товар, у хозяев могут возникнуть вопросы к самому Фан Цзычэню. С этим доводом спорить никто не стал.

В последующие дни Чжоу-гэр каждое утро собирал свежий урожай и отвозил в город. Не проходило и пары часов, как он возвращался с пустой корзиной, хотя базарных дней в это время не было. Односельчане быстро пронюхали, в чем дело. По деревне поползли завистливые шепотки. Видано ли — вовремя подружиться с толковым человеком! Вот она, настоящая помощь.

С покупкой цыплят на заднем дворе дома Фанов стало шумно и весело. Любимым занятием Гуай-цзя теперь было сидеть на корточках у загородки и всю подражать писку пушистых комочков.

Чжао-гэр сидел неподалеку и лишь тяжело вздыхал. Ему очень хотелось зарабатывать деньги, но он никак не мог придумать, чем именно заняться. Работу найти было и так непросто, а уж гэру, которому нужно приглядывать за ребенком, — и подавно.

Тревога и тоска нет-нет да и проскальзывали на его лице. Когда муж возвращался домой, юноша изо всех сил старался казаться бодрым, но у Фан Цзычэня был глаз-алмаз — от него ничего нельзя было утаить.

В тот день за обеденным столом Чжао-гэр унылоковырял палочками рис, словно кусок не лез ему в горло. Фан Цзычэнь не выдержал:

— Что случилось? Весь день сам не свой.

— Ничего, — супруг не хотел его расстраивать и попытался отмахнуться: — Просто обычные наши, гэровские дела. Пустяки.

Фан Цзычэнь на мгновение задумался, и его осенило.

«Похоже, те самые дни настали»

Из чистого любопытства он подложил Гуай-цзяю кусочек мяса, придвинул свой табурет поближе к Чжао-гэру и заговорщицки прошептал:

— А у вас, гэров, тоже бывают эти... ну, визиты «тётушки»?

Тот замер:

— Чего?

Поняв, что термин «тётушка» здесь вряд ли поймут, Фан Цзычэнь поправился:

— Я имею в виду лунные циклы. У вас они бывают?

Чжао-гэр густо покраснел. Как можно так бесстыдно спрашивать о подобном!

— ...Нет.

Вечером, когда они уже помылись, Чжао-гэр с Гуай-цаем уже лежали в постели, а Фан Цзычэнь всё никак не заходил. Малыш, потирая животик, спросил:

— Папа, почему отца так долго нет? Гуай-цзай уже соскучился.

Стоило ему договорить, как в дверь постучали. Фан Цзычэнь, комично манерничая и крутя в руках маленькое полотенце, приоткрыл дверь и, состроив кокетливую мину, пропел тонким голосом:

— Хей, Чжао-гэр.

— А-ха-ха, отец! — Гуай-цзай покатился со смеху.

Чжао-гэр лишь ошеломленно хлопал глазами, не понимая, что это за представление. Фан Цзычэнь, виляя бедрами, вошел в комнату, уселся рядом и игриво толкнул мужа плечом:

— Чжао-гэр, твоя лучшая подружка Фан-гэр пришла поболтать!

Юноша не выдержал и прыснул, шутливо толкнув его в ответ:

— Да что ты творишь!

— Ну зачем же держать всё в себе? Это ведь так тяжело, — Фан Цзычэнь продолжал кривляться. — Расскажи подружке Фану, ну же, Чжао-гэр, поделись секретом!

У малыша от смеха уже разболелся живот. Он поерзал на кровати, прижался к спине отца и, обхватив его за шею, весело пролепетал:

— Отец превратился в девчонку! Как здорово!

Фан Цзычэнь чмокнул сына, подхватил на руки и принялся убаюкивать.

За окном заливались лягушки и стрекотали сверчки — для них наступило время пиршества. Поначалу этот шум раздражал Цзычэня, но за несколько месяцев он привык и даже начал находить в этих звуках некое сельское очарование.

Когда ребенок уснул, Чжао-гэр обнял Фан Цзычэня за талию и, уткнувшись лицом в его грудь, глухо произнес:

— Я хочу найти работу. Хочу сам приносить в дом деньги, но... кажется, я ничего не умею. На учебу нужно много серебра. Сначала экзамен на туншэна, потом на сюцяя... А сюцяям нужно ехать учиться в академию, в Фучэн (Город-префектуру).

Юноша не хотел расставаться с мужем. В академии префектуры ученикам давали жилье, но если он захочет поехать следом, им придется снимать дом. В городе Фуань даже крохотный дворик с одной комнатой стоил больше четырехсот монет в месяц, а в префектуре цены будут в разы выше. Еда, жилье — на всё нужны деньги. Если их не будет, ему придется остаться в деревне и ждать месяцами. А он не хотел ждать. И разлуки он не вынесет.

Семья должна всегда быть вместе.

— Я хочу быть рядом с тобой каждый день, но я такой бесполезный... Кроме работы в поле, ничего не знаю и не умею.

— Кто это сказал, что ты бесполезный? — Фан Цзычэнь мягко взял его за подбородок, заставляя поднять голову и встретиться с ним взглядом. — Повтори, кто это тебе сказал?

Чжао-гэр невольно отвел глаза:

— Никто не говорил. Я сам так чувствую.

— Я не позволю тебе так принижать себя. Если бы это сказал кто-то другой — я бы ему задал трепку. Но раз это говоришь ты, то я тоже должен тебя проучить... но на первый раз прощаю, — Фан Цзычэнь тихо проговорил: — Никогда не смей в себе сомневаться. У каждого человека есть скрытые возможности, а для меня ты — самый важный и незаменимый.

Эти слова были подобны огромной порции меда, вылитой в чистую воду — сладость была почти одуряющей. Чжао-гэр не выдержал и поцеловал его. Фан Цзычэнь, поглаживая его по щеке, продолжил:

— Я уже всё обдумал. Моих трех лянов в месяц хватает на еду, но если я хочу двигаться дальше, расходов прибавится. Поэтому...

Он замялся на секунду, подбирая слова покрасивее:

— За каждым успешным мужчиной стоит преданный фулан, который его поддерживает. Так что, Чжао-гэр, я на тебя очень рассчитываю.

Тот и сам был бы рад стать опорой, но не знал как:

— Но я ведь не представляю, как заработать.

Он не умел так виртуозно считать на счетах, как муж. Хотя он и пытался учиться, до самостоятельности ему было еще далеко. Таскать тюки в порту ему было не под силу. Стиркой чужого белья много не выручишь. А чтобы сажать овощи на продажу, как Чжоу-гэр, у них даже своей земли не было.

«Трудно приготовить обед, если нет риса», — с горечью подумал он.

Фан Цзычэнь изначально планировал в свой выходной сводить их в ямэнь, чтобы официально оформить документы и прописку, но в итоге передумал. Вместо этого он весь день бродил по городу Фуань, присматриваясь к рынку, и теперь у него созрел план.

— Давай будем делать и продавать кровяную колбасу! — предложил он.

Это было в новинку — в этих краях такого еще никто не продавал. Ингредиенты дешевые, а вкус — пальчики оближешь. Цзычэнь помнил, как в его прошлой жизни один старик продавал такую жареную колбасу у ворот школы, и это было невероятно вкусно.

Чжао-гэр о таком и не слыхивал:

— Кровяная колбаса? Что это?

— Это такая еда, — пояснил Фан Цзычэнь. — Завтра куплю всё необходимое и научу тебя.

Тот приободрился и даже приподнялся в постели:

— Мы станем настоящими торговцами?

Хочешь быстрых денег — нужно идти в торговлю.

— Угу, — подтвердил муж. — Сначала попробуем понемногу, а там посмотрим.

Дело не требовало больших вложений или кучи рабочих рук — в их нынешнем положении это был идеальный вариант.

Фан Цзычэню полагалось три выходных в месяц. Один он уже отгулял, и сегодня наступил второй. Утром после завтрака он поцеловал Гуай-цзая, взял корзину и направился к выходу. Малыш пошел его провожать. Отойдя на приличное расстояние, Цзычэнь обернулся — сын всё еще стоял у ворот и смотрел ему вслед. Застыл на месте, точно маленький памятник преданности.

Раньше Гуай-цзай всегда так делал, когда отец уходил на работу, но сегодня-то у него был выходной! Фан Цзычэнь не выдержал и бросился обратно.

— Отец? — малыш подбежал к нему и схватил за руку, решив, что тот что-то забыл. Чжао-гэр тоже вышел на крыльцо.

Фан Цзычэнь спросил:

— Вам сегодня нужно помогать семье Чжоу?

У Чжоу-гэра было всего несколько клочков земли, а два гэра в четыре руки работали так споро, что сорняки в округе, казалось, вымерли как вид.

Чжао-гэр покачал головой:

— Нет, мы уже со всем управились. Теперь только ждать урожая.

— Тогда идем в город все вместе!

У Гуай-цзая даже глаза округлились от восторга. Он с надеждой посмотрел на папу:

— Папа?

Ему ужасно хотелось пойти. Чжао-гэр и сам был не прочь прогуляться:

— Хорошо! Я только за кошельком в дом сбегаю.

Вскоре всё семейство отправилось в путь. На горизонте плавали нежно-оранжевые облака. Днем обещала быть жара, так что все работающие люди вышли в поле пораньше. По обе стороны дороги уже всюю кипела работа, кто-то шагал по обочине с мотыгой на плече, а издали доносилось пение петухов. Идиллическая картина мирной деревенской жизни.

Завидев шумную и веселую семью, прохожие здоровались и интересовались, куда это они путь держат. Неподалеку как раз трудились Ма Вэнь со своими родителями. Фан Цзычэнь, бросив на них мимолетный взгляд, нарочито громко ответил:

— Веду своего фулана и сына в город погулять! Трудитесь-трудитесь, почтенный, не отвлекайтесь!

Чжао-гэр нес корзину, а поскольку у Гуай-цзая ножки были короткими и за взрослыми он не попевал, его усадили прямо в кораб. Специально для покупок взяли корзину побольше, так

что из неё теперь выглядывала лишь любопытная маленькая голова.

Вдоль дороги цвели дикие цветы — безымянные, но яркие и свежие в утренней росе. Фан Цзычэнь сорвал один и вплел в волосы Чжао-гэра, не скупясь на похвалу:

— Прекрасный цветок для прекрасного человека. Идеальное сочетание.

Сказано это было с такой искренностью, что Чжао-гэр мгновенно покраснел:

— Вечно ты всякую чепуху болтаешь!

Малыш, обхватив папу за шею, принялся и требовательно заявил:

— Отец, Гуай-цзай тоже хочет цветочек!

Фан Цзычэнь сорвал еще один и воткнул его малышу в забавный хохолок на макушке. Ребенок цветка не видел, поэтому осторожно потрогал его ручкой и с сияющими глазами напомнил:

— Отец, ты еще не похвалил Гуай-цзая!

Фан Цзычэнь не удержался от подначки:

— Ну прямо как прекрасный цветок в коровьем навозе.

Гуай-цзай:

«...»

Папа — красавец, а он, значит, навоз? Что такое навоз, он знал прекрасно — когда корова старосты делала свои дела на дороге, он даже помогал их собирать. Куча черная, безобразная, да еще и мух привлекает. Ребенок обиженно надулся и присел на дно корзины:

— Отец — бяка!

Фан Цзычэнь просунул руку в отверстие плетения и легонько ткнул его в попу.

— Обиделся? Будешь теперь рисовать круги на земле, проклиная меня?

Гуай-цзай, защищаясь ручками, проворчал:

— Не тыкай Гуай-цзая в попу!

— А вот и буду!

— Тогда Гуай-цзай как пукнет — отцу мало не покажется!

Фан Цзычэнь расхохотался, вытащил сына из корзины и усадил себе на плечи. Оказавшись так высоко, малыш от испуга и восторга вцепился в голову отца, крепко обхватив его шею ногами.

Цзычэнь придержал его за лодыжки:

— Полегче, малыш! Ты же так отца задушишь.

Гуай-цзай звонко рассмеялся.

— Нам ведь пора придумать Гуай-цзаю настоящее имя, не находишь? — заговорил Фан Цзычэнь. — Через несколько дней я получу жалование, и мы пойдем в ямэнь оформлять прописку и бумаги. Ты думал, как его назвать?

Об этом Чжао-гэр как-то не задумывался, да и познания его были невелики. Он покачал головой:

— Выбирай сам.

Муж рассудил:

— В деревне детей зовут как попало: то Эргоу, то Тедань, то Чжуцзы... Я тут прикинул и выбрал несколько вариантов, посмотри, какой лучше.

— И какие же?

— Фан Игоу — «Фан Первая Собака», Фан Дае — «Фан Великий Господин», Фан Течжу — «Фан Железный Столб», Фан Сяошань — «Фан Маленькая Гора», Фан Баоцзы — «Фан Булочка», Фан Дами — «Фан Большой Рис», Фан Коужоу — «Фан Тушёная Свинина»... Что скажешь?

Чжао-гэр:

«...»

Не дожидаясь ответа, Фан Цзычэнь принялся сам оценивать свои идеи:

— Мне кажется, «Фан Великий Господин» звучит очень солидно и властно. Хотя «Фан Большой Рис» тоже неплохо. А тебе как?

Чжао-гэр:

«...»

«Мне кажется, это просто ужасно»

Но вслух он этого не сказал. Чжао-гэр посмотрел на Гуай-цзая взглядом, полным глубочайшего сочувствия. Малыш, ничего не подозревая, сидел на плечах отца, и заметив взгляд папы, весело позвал его и засиял от счастья. Чувство вины в душе юноши стало еще тяжелее.

— Я... — выдавил он наконец. — Мне тоже кажется, что это... замечательно.

<http://bllate.org/book/15357/1431717>